

— Пойдёмте.

Я погладила запыхавшуюся грудь, искренне пытаюсь разгадать намерения Куан Сицин. Судя по тому, как мы углублялись внутрь, я всё ближе подбираюсь к сердцу внутренней обители — месту, где жили Император и его любимые супруги из гарема. По идее, хоть я и носила высокий титул князя, мне не следовало вот так запросто разгуливать по императорской внутренней половине.

Уж не потому ли, что Куан Сихань еще слишком мала и пока не представляет угрозы для её фаворитов?

Но ведь в гареме Куан Сихань, насколько я помню, уже было немало супругов...

Пока я предавалась беспорядочным мыслям, нам навстречу вышла процессия мужчин в зелёных одеждах. Среди них особенно выделялся молодой человек в ярко-красном одеянии. Словно единственная алая капля среди бескрайней зелени, он к тому же явно отличался от остальных благородным достоинством.

В отличие от жеманных юношей с ярким макияжем, которых я видела в резиденции Куан Сихань, этот был высок ростом, белокож, держался строго и чинно, ступал размеренно, а в каждом его движении сквозило врождённое изящество. Однако эта его безмятежная и спокойная аура мгновенно испарилась, стоило ему заметить нашу группу, сменившись робкой зажатостью. Если говорить точнее, его взгляд был прикован прямо ко мне.

Снова знакомый?

Я молча замерла на месте и бросила косой взгляд на Сяо Чань, ожидая от него подсказки.

— Это Императорский супруг, старший сын нынешнего канцлера из рода Лу, — Сяо Чань на мгновение замолк, а затем тихо добавил: — ...А также ваш друг детства.

Его последние четыре слова потрясли меня, и в голове тут же начали всплывать разрозненные образы.

Стоит заметить, что друзьями детства называют тех, кто рос вместе с малых лет. Возлюбленных, поклявшихся в вечной верности с юных лет, тоже называют друзьями детства. Но тех, кто вырос вместе, дал друг другу клятвы, однако был разлучён судьбой и расстался в горечи... их тоже называют друзьями детства.

Даже без туманных разоблачений Сяо Чань, судя по исключительно яркому взгляду молодого человека, я с головной болью догадалась: последний вариант казался наиболее вероятным.

Этот Императорский супруг Лу Сючжу появлялся в воспоминаниях Куан Сихань далеко не редко.

— Приветствую Императорского супруга, — прежде чем он успел заговорить, я уже склонилась в поклоне вместе со всеми.

— Хань-эр... почему ты вдруг так холодна со мной? Неужели сердишься, что позавчера я не сразу пришел навестить тебя? — он не обратил внимания на остальных, лишь покусывал губы и смотрел на меня с горькой обидой. Прежняя благородная сдержанность, должно быть, просто мерещилась мне. — Докладываю Императорскому супругу, моя госпожа недавно оправилась от тяжёлой болезни, её жизненные силы ещё не до конца восстановились, и она могла ненадолго

затуманить разум. Просим вас не взыскать. — Видя, что я лишь холодно молчу в ответ, и опасаясь, как бы я не оскорбила Императорского супруга, Сяо Чань поневоле пришлось набраться храбрости и просить о снисхождении вместо меня. В обычных обстоятельствах слугам ни в коем случае не подобает вмешиваться в разговор господ, но раз уж обычно робкая и осторожная Сяо Чань осмелилась поступить так, это косвенно свидетельствовало о том, что собеседник обладает мягким характером и не станет гневаться из-за подобного.

— Вот оно что, а глядя на это лицо, и впрямь чувствуешь сильную бледность... — Выражение его лица мгновенно сменилось на встревоженное, он подвёл знаком следовавшего за ним слугу и отдал приказ: — Живо ступай в мою сокровищницу и принеси оттуда тот тысячелетний женьшень. — После чего, с улыбкой глядя на меня, произмолвил: — Мы так давно не виделись, Хань-эр, не соизволишь ли ты пройти со мной во Дворец Ясного Источника посидеть немного?

Младший деверь и невестка... О нет, вернее сказать, сводная сестра и зять. Эту двусмысленную ситуацию на дынном поле и под сливовым деревом лучше обходить стороной. Будучи хозяином Внутреннего двора, почему этот Императорский супруг словно вовсе не заботится о соблюдении приличий?

То ли они оба изначально чисты душой и совесть их спокойна, то ли эта необузданная Куан Сихань уже дошла до такого беспредела... Я поспешно оборвала свои всё более предвзятые мысли.

— Кхе-кхе, не нужно, этот ван... — Я прокашлялась и бросила косой взгляд на стоявшую в стороне с опущенной головой, молча и терпеливо ожидавшую служанку в розовом. — Слегка утомилась и как раз собираюсь во Дворец Утренней Росы, чтобы отдохнуть.

— Прошу Императорского супруга выслушать, — поймав моё предупреждающее выражение глаз, а быть может, и потому, что время уже поистине затянулось, служанка в розовом наконец выступила вперед, чтобы выручить меня. — Император издал указ: пригласить княгиню Лин во Дворец Утренней Росы к трапезе, и не смей опаздывать.

— Раз такова воля Императора, я, разумеется, должен подчиниться. — Его улыбка замерла, но он всё же сохранил достоинство Императорского супруга, унял мелькнувшее в глазах сожаление и кивнул прежде отданному распоряжение слуге: — В дополнение к тому женьшеню добавьте ещё несколько обычных лекарственных трав и всё вместе отправьте в Резиденцию Вана Лина.

— Благодарю. — Мне было лень отказываться, и, кивнув, я продолжила путь вслед за служанкой в розовом. Чем дальше держишься от этого запутанного любовного треугольника, тем лучше.

Хотя я и не знаю, что думала прежняя хозяйка тела и совершала ли какие-то реальные поступки, но со мной — начиная с сегодняшнего дня, я проведу с ним чёткую черту и разом покончу со всем этим. Не говоря уже об отношениях свояченицы и зятя между двумя людьми, даже если бы они были ровней и подходящими друг другу по возрасту мужчиной и женщиной,

скажите на милость, как мне за какой-то недолгий миг принять это незнакомое мне, в котором я никогда не участвовал, сплетение чувств?

Куан Сихань — поистине сплошная головная боль.

Отгнав вздох, я снова принялся разглядывать пейзаж за окном.

Судя по внешнему виду, Дворец Утренней Росы значительно уступал Дворцу Своевременного Дождя в величественности и размахе, но зато выглядел куда изящнее и лучше подходил для жилья. Судя по суровой охране из императорских гвардейцев за пределами дворца, это, скорее всего, были личные покои Императора.

Куан Сицин говорила, что собирается пообедать со мной, но перед этим ей еще нужно было заняться государственными делами, так что точного времени она не назвала. Посидев в одиночестве в комнате для отдыха при внутренних покоях, я почувствовал, как мои веки начинают неудержимо тяжелеть.

Сяо Чань с беспокойством поддержал мое внезапно сникшее вбок тело и тихонько предложил:

— Судя по времени, Император вернется еще нескоро. Почему бы Вашей Светлости не пойти отдохнуть на кушетку?

Я помассировал пульсирующие виски и действительно почувствовал, что тело слабеет и больше не справляется с нагрузкой. Тогда я перестал упорствовать и при поддержке Сяо Чаня перебрался на стоявшую в глубине кушетку. Расслабленно вытянувшись на ней, я перед самым засыпанием не забыл отдать приказ Сяо Чаню, сидевшему на подножке рядом:

— Я вздремну немного, а когда прибудет Император, непременно разбуди меня.

— Слушаюсь, служанка, — ответил он и нежным движением поправил тонкое одеяло, укрывавшее меня с головой.

Сон был сладким и глубоким, а когда я проснулся во второй раз, в животе уже всюду разворачивалась битва пустых городов — урчание разбудило меня самого.

Я сонно затуманившимся взором открыл глаза, но свет в комнате уже померк и погрузился в сумерки. Возле меня высилась человеческая фигура, которую из-за дрожащего тускло-желтого плаката свечей невозможно было разглядеть как следует.

— Проснулся? Желаешь поесть? — мягкий, исполненный достоинства женский голос негромко прозвучал над ухом, но принадлежал он вовсе не Сяо Чаню, который должен был дежурить рядом со мной.

Моя сонливость мгновенно испарилась, я тут же широко раскрыл глаза и уставился прямо на Куан Сицин, чьи оленьи глаза тонули в туманной дымке:

— Что ты застыл как дурак? Неужели заспался до такой степени, что даже меня, императрицу, не узнаешь?

Она с легким смешком протянула руку и огладила меня по мочке уха. Ее выражение лица было

донельзя интимным и привычным, ни капли не напоминая прежнюю владычицу, которая так невозмутимо меня испытывала — скорее уж она походила на самую обыкновенную нежную старшую сестру.

— Им... ператор... — у меня запылали мочки ушей, но я не посмел отвести голову, лишь опустил глаза и попытался произнести положенное.

— Хань-эр, должно быть, страшно проголодался. Послушай, у него даже в животе урчит, — выражение ее лица ничуть не изменилось, так что было понятно: в обращении я не ошибся. Только вот пока она говорила, она снова протянула руку и легонько похлопала меня по животу, отчего я едва не окаменел на месте.

Хоть мы и были сестрами, в конце концов, одна являлась всемогущим Императором, а другой — обладающим огромной властью над двором князем Лином. Столь донельзя близкие движения превзошли все мои ожидания.

Вот только по действиям и выражению лица Куан Сицин было видно, что она делает это привычно и естественно, без малейшей заминки — судя по всему, она к такому давно привыкла, и я не мог слишком сильно сопротивляться. Больше всего невыносимым было другое: всякий раз, когда ее руки касались моего тела, во мне поднималось какое-то странное, необъяснимое волнение. И пусть оно не мешало мне двигаться, для меня это уже было тяжким и постыдным испытанием.

— Я проспал столько времени, и вправду немного проголодался, — я отвел взгляд, делая вид, что смотрю на погоду, а на самом деле выискивая Сяо Чаня и Бин И. Кроме лучающейся улыбкой Куан Сицин, в этой комнате для отдыха не было ни единой живой души. — Который сейчас час?

Людей из моей резиденции обнаружить не удалось, зато на восьмиугольном столе у кушетки были расставлены роскошные и соблазнительные блюда, чей аромат мгновенно приковал к себе все мое внимание.

— Уже около часа юй, — Куан Сицин слегка приподняла подбородок, указывая мне на водяные часы в углу. — Время позднее, Хань-эр, оставайся-ка сегодня ночевать во дворце.

Мое движение — я как раз откинул тонкое одеяло и собирался встать с кушетки — оборвалось, и я недоверчиво уставился на нее.

В мерцающем свете теплой оранжевой свечи облаченная в простое повседневное платье нежная красавица с распущенными по пояс темными волосами обернулась ко мне с улыбкой. В этом было какое-то невыразимое очарование, способное свести с ума и похитить душу, заставив меня в растерянности подумать, будто я по ошибке угодил в странные и чувственные чары из Рассказов Ляо Чжая. — Императорская сестра, ты... наелась? — глядя, как она с беззаботным видом приняла из чаши чай, чтобы прополоскать рот, я улыбнулась с безмятежным, светлым выражением. Если память мне не изменяла, она ведь тоже притронулась всего к нескольким кусочкам. Для взрослой женщины, и особенно жительницы Государства Дау, где женщины отличаются особой крепостью телосложения, этого было явно недостаточно, чтобы утолить голод.

— Раз у Хань-эр нет аппетита, я составлю тебе компанию, — с безмятежным лицом она жестом велела удалиться стоявшей позади придворной даме, которая нахмурилась, словно собираясь отговорить её, и, взяв меня за руку, вывела из боковой комнаты в просторный главный зал. — Как раз осталось разобрать несколько докладов-цзоуцзэ, на голодный желудок думается яснее.

Выходит, она решила разделить со мной тяготы и голодать вместе со мной?

В этом не было слащавых речей о любви под луной, как не было и потрясающих воображение смертельных испытаний. Всего одна простая фраза: «Я побуду с тобой», — но в ней сквозила такая искренность, что у меня внутри всё перевернулось от глубокого трогательного чувства.

Хотя, пожалуй, бóльшая часть этого трепета была вызвана остаточными эмоциями, заложенными в самом теле Куан Сихань; я понятия не имела, какие именно запутанные чувства таились в её сердце по отношению к собственной сестре.

Единственное, в чём я была уверена: эти чувства давно превратились в смертоносную, непрекращающуюся одержимость и уже влияли на мои собственные суждения.

Но... разбирать доклады?

Я помнила, что Куан Сихань — влиятельная ванша, обладавшая правом участвовать в принятии важнейших государственных решений. Для Императора Куан Сицин она представляла собой реальную угрозу. Позволить мне подойти к ней ближе чем на три чи было само по себе немисливо, не говоря уже о том, чтобы разрешить войти в главный зал, где решаются государственные дела. Была ли Куан Сихань настолько безвредна для неё, что та не видела причин для бдительности, или же это был очередной её зондаж?

Если предположить, что это проявление доверия со стороны Куан Сицин... О, я ещё не была настолько наивна, чтобы верить в существование безусловного доверия под сенью императорской власти, даже между родными сёстрами.

А если таковое и существовало, то предназначалось оно лишь для Куан Сихань, но никак не для меня.

Она увлекла меня за собой и усадила в широкое кресло тайши, в котором легко поместился бы ещё один такой человек, как я, а затем указала на стоявшую рядом тушечницу:

— Разотри для меня тушь.

Я молча кивнула, лихорадочно соображая, как бы ухитриться получить гладкую и густую тушь, а Куан Сицин тем временем с самым невозмутимым видом принялась листать лежащие на столе свитки, вовсе не собираясь брать в руки кисть. Я невольно подумала: должно быть, она велела мне заняться этим просто так, чтобы занять мои руки и избавить от скуки.

Погруженная в свои мысли, я невольно скользнула взглядом от гладкой тушечницы к её точёному профилю, похожему на творение умелого скульптора. Согласно местным канонам красоты Государства Дау, черты лица Куан Сичин удивительным образом сочетали в себе мягкость, свойственную мужчинам, и героическую твердость женского лица: прекрасные, но не изнеженные, утонченные. Даже один лишь её профиль казался до того безупречным, что вызывал невольное восхищение.

Будучи правительницей, она должна была казаться холодной и решительной, однако за эти несколько часов общения я ощущала лишь тепло и близость старшей сестры. Еще труднее было понять, что, судя по скудным воспоминаниям, оставленным Куан Сихань, эта атмосфера казалась им обоим привычной и естественной.

Иными словами, в представлении Куан Сихань эта императорская сестра вовсе не замышляла дурного, как уверяла Янь Кэ, а была самым близким человеком, на которого она всецело полагалась... впрочем, возможно, всё было куда сложнее простой сыновней или сестринской любви.

Словно почувствовав мой взгляд, устремленный на её лицо, Куан Сичин слегка повернулась и бросила на меня многозначительный взгляд, а затем небрежно швырнула прямо передо мной доклад, который только что читала. В её глубоких черных глазах таились скрытые эмоции:

— Дерзость этих людей переходит все границы... Хань-эр тоже может взглянуть.

Хлоп! — глухой звук падающего на стол документа заставил меня вздрогнуть. Встретившись взглядом с её темными глазами, я тут же отвела взор — в тот момент во мне шевельнулось нечто вроде чувства вины, и сама не зная почему, я ощутила легкую панику. Подчинившись её воле, я развернула доклад в красной обложке.

...Нижайше молим проявить гнев небесный, собрать всех гражданских и военных чинов, а также знатных родственников императорского рода, приказать Синбу провести строгое расследование и восстановить державные законы. И даже смерть не сотрет заслуг авторов сего послания.

Что ж, судя по концовке, это была петиция с обвинениями против кого-то.

...Все сии злодеяния ясны каждому встречному, однако придворные чиновники внутри столицы страшатся беды и молчат, а чиновники на местах жмут языки зубами и не смеют подать голоса.

Ого! А если взглянуть в начало, в петиции перечислялось с десятков тяжких преступлений, изложенных весьма убедительно, словно обвиняемый был законченным злодеем.

...И при столь премудром правлении находятся дерзкие безумцы, что ввергают в смуту государственные устои, подобно младшей сестре Его Величества, княгине Лин.

Ой, а это примечание в самом начале показалось мне смутно знакомым. Помглось, титул Куан Сихань как раз и звучал как княгиня Лин.

Выходит, документ, который Куан Сицин велела мне прочесть, содержал обвинения против меня самой?

Что всё это значит?

Предупреждение? Или способ привлечь меня на свою сторону?

Я закрыла свиток, молча положила его обратно на аккуратную стопку у её руки и подняла взгляд, пытаюсь разглядеть хоть какой-то намёк на истинные мысли на её лице. Она же вытащила ту самую памятную записку вместе с несколькими другими, небрежно швырнула их в сторону и с насмешливой улыбкой глянула на меня, словно бы в легком недоумении:

— Я даже удивлена, что Хань-эр совсем не сердится. Раньше ты бы уже извела меня требованиями отправить авторов этих докладов на плаху вместе со всем родом. С чего это ты сегодня такая сговорчивая? Неужели тяжелая болезнь вытравила из тебя весь буйный нор?

— Сердиться — какой в этом толк? Разве можно закрыть рта всем злословцам? — машинально ответила я и тут же мысленно чертыхнулась: пожалуй, это шло вразрез с истинным характером Куан Сихань.

И верно, рука Куан Сицин, перелистывавшая остальные доклады, замерла. От ее мимолетного, ленивого взгляда у меня по спине побежали мурашки — казалось бы, тончайшие черты лица, мягчайшая улыбка, но почему от них веет таким беспричинным холодом?

Наверное, это я просто перепугалась от каждого шороха, мерещится всякое.

— Хань-эр и вправду повзрослела... Я так рада, — больше она ничего не сказала, бросив бумаги на стол. Не успела я опомниться, как они были аккуратно сложены в три стопки, причем та, где лежала прочитанная мной записка, оказалась самой толстой. Куан Сицин взяла меня за руку и повела вглубь коридора, к палатам на другом его конце.

Я заметила, что пол под ногами становится все более влажным. Когда перед глазами выросли знакомые створки дверей, меня озарило: это же императорская купальня.

Неужели она привела меня сюда, чтобы искупаться?

Нет-нет, главное — собирается ли она... купаться вместе со мной?

От этой очевидной мысли мое лицо само собой залилось краской. И внезапный стыд этот был вызван то ли перспективой предстать обнаженной перед человеком, к которому я еще не привыкла, то ли какими-то другими, смутно осознаваемыми чувствами.

Я размышляла об этом до самого момента, пока мы, окутанные клубами пара, не вошли во внутренний покой, где слуги принялись помогать мне снимать верхнее ханьфу.

В этот миг я почувствовала, как чьи-то пальцы коснулись воротника на моей груди. Рефлексивно отмахнувшись, я отскочила назад, с размаху врезалась в стоявшую позади женщину и едва не рухнула на скользкий пол.

Кое-как удержав равновесие, я проглотила рвущийся наружу испуганный возглас и украдкой покосилась на Куан Сицин. Та с беззаботным видом раскинула руки, ожидая, пока слуги снимут с нее одежды, и не видела в происходящем ни малейшего подвоха — для нее одеваться и раздеваться с помощью прислуги было самым привычным делом на свете. Она приподняла бровь и бросила на меня вопросительный взгляд, отчего у меня в груди внезапно всё сжалось: как же я мог забыть, кем являюсь теперь? Я стою на самой вершине феодальной правящей верхушки, принадлежу к привилегированному классу, купающемуся в роскоши и ни в чём не знающему отказа. Я — княгиня Лин, Куан Сихань, которая никогда в жизни не стала бы чувствовать себя неловко из-за того, что её кто-то обслуживает во время купания.

— Ничего, — я разгладила рукава, чтобы скрыть неловкость, и покачала головой, заставляя себя не думать о том, что нас с Куан Сицин окружает целая толпа юных красавиц и красавцев моложе двадцати лет. Часть из них, не смея поднять глаз, ждала в стороне, бережно держа в руках банные принадлежности вроде мочалок и благовонного мыла, а остальные осторожно, но ловко раздевали меня.

По мере того как кожа обнажалась и соприкасалась с воздухом, по моему телу побежали мурашки — хотя температура в просторном зале была самой приятной и не позволяла почувствовать ни малейшего холода.

Похоже, я всё-таки не способна за столь короткий срок смириться с обычаями и нравами Государства Дау: начиная с глобального института полиандрии и заканчивая такой мелочью, как традиция, когда слуги помогают мыться. Пожалуй, труднее всего мне было принять это молодое, красивое, но до крайности слабое тело, а также доставшееся ей вместе с высоким полом бремя, полное густых туманов тайны и неизбежных оковывающих пут. — Все вон.

Голос Куан Сицин в окутанном белым туманом застенке казался слегка искаженным, особенно из-за журчания воды, заглушавшего её слова так, что я чуть было их не пропустил. Однако прислуживавшие юноши исполнили её приказ с безупречной точностью: тот самый слуга, который уже собирался снять с меня последнюю нижнюю сорочку, замер сразу же после её слов, не смея мешкать ни мгновения.

Все опустили то, что держали в руках, отвесили поклоны и бесшумно удалились из внутренних покоев, словно их здесь никогда и не было. Только тогда я почувствовал, как из груди вырывается долгий вздох облегчения.

Сдержав вздох, я сам сбросил последнюю преграду и повернулся, направляясь к широкому бассейну, выложенному из белого нефрита.

Вода оказалась горячеватой, но невероятно расслабляющей. Мои брови невольно разгладились, и я погрузился в воду по самую грудь.

Куан Сицин прислонилась к противоположному краю бассейна, закрыв глаза и предаваясь безмятежному отдыху. Между её бровей царило полное спокойствие. Я поймал себя на том, что просто не в силах отвести взгляд от ослепительно-белой кожи и изящных ключиц.

Я всегда знал, что женское тело способно быть красивым до замирания сердца, но никак не ожидал, что однажды сам буду поражен этой красотой... едва не утонув в ней.

— Хань-эр, тебе душно?

<http://bllate.org/book/21773/2251638>